

DOI 10.25991/AE.2019.79.80.010
УДК 82–32

Л. А. Спиридонова

Спиридонова Лидия Алексеевна — доктор филологических наук, профессор Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН, зав. отделом изучения и издания творчества М. Горького

«ЖИЗНЬ КЛИМА САМГИНА» М. ГОРЬКОГО — КНИГА ВЕКА*

«Жизнь Клима Самгина» — художественное завещание М. Горького, незаконченное итоговое произведение, замысел которого возник вскоре после первой русской революции. Оно мыслилось писателю как «роман века», в котором будет изображена не только судьба отдельного человека на широком фоне истории России с 1880 г. до февраля 1918 г., но и хроника духовной жизни русской интеллигенции. В статье на новом архивном материале рассматривается история создания и трансформация замысла «Жизни Клима Самгина», а также тема народа, пре-вращающегося из слепой толпы в организованную силу, способную изменить ход истории.

Ключевые слова: М. Горький, Самгин, повесть, герой, толпа, революция.

L. A. Spiridonova

“THE LIFE OF KLIM SAMGIN” BY M. GORKY — THE BOOK OF THE CENTURY

“The life of Klim Samgin” artistic last will and Testament of M. Gorky, unfinished final work, the intention of which appeared shortly after the first Russian revolution. It was conceived the writer as a “novel of the century”, which depicts not only the fate of individuals on a broad background of the history of Russia from 1880 until February 1918., but chronicle of the spiritual life of the Russian intelligentsia. In the article on new archival materials considers the history of creation and transformation plan “The life of Klim Samgin” and also the theme of people becoming blind from the crowd into an organized force that can change the course of history.

Keywords: Gorky, Samgin, the story, the hero, the mob, the revolution.

«Жизнь Клима Самгина» — итоговое произведение М. Горького, его художественное завещание, над которым писатель работал более десяти лет. Замысел возник вскоре после первой русской революции и отразился в таких набросках, как «Жизнь г. Платона Ильича Пенкина», «Записки д-ра Ряхина», повести «Все то же». Однако непосредственная работа над произведением началась в январе 1925 г. и продолжалась до последнего дня жизни. Текст непрерывно усложнялся и расширялся, повествование приобретало то черты романа, то эпопеи в четырех книгах. Последний четвертый том остался неоконченным, более того в последний год жизни Горький не раз выражал желание переделать «Жизнь Клима Самгина» с начала до конца.

Произведение мыслилось писателю как «роман века», в котором структурный принцип «персонажного» романа соединен с хроникой духовной жизни русской интеллигенции и «движущейся панорамой десятилетий» истории России с 1880-х гг. до февраля 1918 г. Горький писал 21 марта 1925 г. Р. Роллану: «Начал писать роман о выдуманных людях. Очень хочется работать. Роману придаю значение итога всего, что мною сделано» [14, с. 146], а в письме 10 сентября 1925 г. пояснил:

Писать русский роман — очень трудно, ибо приходится изображать людей, много думающих и говорящих, но неясно чувствующих и мало делающих. Собственно говоря, я, вероятно, напишу не роман,

а хронику духовной жизни России с 80-х гг. до 1918 го. Конечно, будут женщины и любовь, будут драмы — самоубийства, но — гораздо больше будет «разговора». Такова правда русской жизни, как мне кажется [14, с. 263].

В письме А. К. Воронскому от 23 марта 1926 г. Горький охарактеризовал тематический диапазон книги еще шире: «Я должен изобразить все классы, «течения», «направления», всю адову суматоху конца века и бури начала XX-го!» [24, с. 24]. В беседе с полпредом СССР в Италии Д. И. Курским он сказал:

Я не могу не писать «Жизнь Клима Самгина». У меня накопился фантастически обширный материал, он властно требует, чтобы я объединил его, обработал. Я не имею права умирать, пока не сделаю этого... Есть у Менделеева книга с весьма полным названием «К познанию России». Я был бы счастлив, если б и мою хронику можно было так назвать... Быть может, сразу вещь моя не будет понята. Но когда-нибудь оценят... [3, с. 204].

А в конце жизни признавался самому себе:

«Самгин» ест меня. Никогда еще я не чувствовал так глубоко ответственности своей перед действительностью, которую пытаюсь изобразить. Ее огромность и хаотичность таковы, что иногда кажется: схожу с ума [1, с. 203].

Как мы видим, писатель попытался заново осмыслить историю России и проблему трансформации

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-012-00158 «Максим Горький как мировое явление. Роль Горького в литературе, критике, публицистике, политике, культуре и искусстве, театре, кино, современной инфосфере».

индивидуалистического сознания в эпоху глобальных социальных перемен. Если учесть, что его собственное сознание претерпело с 1928 по 1936 г. существенные изменения в связи с возвращением писателя на родину из итальянского зарубежья, можно понять, почему итоговое произведение Горького, его художественное завещание, создавалось так долго и мучительно трудно. По свидетельству комеданта дачи в Крыму М. И. Алексеева, писатель работал над произведением вплоть до конца мая 1936 г.:

В последний приезд в Тессели Алексей Максимович усиленно работал над «Климом Самгиным». У него был жесткий режим дня. Вставал к восьми часам утра и почти без перерыва работал до обеда. После обеда выходил на прогулку, бродил по парку или уходил в лес. Затем снова работал — иногда до часу-двух ночи. Выходных дней не признавал [2, с. 69].

Несмотря на это Горький так и не успел кончить книгу.

В центре произведения фигура Клим Иванович Самгина — «революционера поневоле», ощущающего себя «жертвой истории». Он постоянно мечется между непримиримыми общественными силами, между «да» и «нет», пытается самоопределиваться. За его «двойничеством» скрыта не только трагедия индивидуалиста, «среднего» человека, обладающего гипертрофированным чувством собственной исключительности. Страницы его жизни дают Горькому возможность изобразить трагедию русской интеллигенции, поставленной волей истории в положение между «молотом и наковальней», между угнетателями и угнетенными, и пытающуюся быть надклассовой и беспартийной. Являя собой новую вариацию «лишнего человека», тип героя, похожего на «человека из подполья» Ф. М. Достоевского, Самгин выступает в роли «временно обязанного» революционера, который помогает делать революцию только до конституции, а потом принимает «более или менее активное участие в спасении России от революции» [4, с. 37].

Горький неоднократно писал, что хотел изобразить в Самгине тип индивидуалиста, лишенного каких-либо ярких качеств и убеждений, но претендующего на значительную роль в общественной жизни. Социально-психологические черты явления, которое получило обобщенное название «самгинщины» писатель находил не только в русской жизни, но именно среди российской интеллигенции он видел особенно много людей, «выдумывающих» себя и становящихся впоследствии жертвами собственной выдумки. Не удивительно, что, низвергая Горького с пьедестала классика, видные деятели русской эмиграции, а следом за ними современные критики в лице Б. Парамонова или В. Костикова изображают самого писателя жертвой собственного «иллюзиона счастья», мифа о справедливом обществе будущего и новом социалистическом Человеке [см. 5].

В «Жизни Клим Самгина» повествование о главном герое переходит в рассказ о судьбах русской интеллигенции на переломе XIX и XX веков и шире — о трагической истории страны и ее народа. Самгин выступает в роли медиума, сознание которого вызывает к жизни «все наши ходынки», «все гекатомбы, принесенные нами в жертву истории». Постигание России происходит параллельно с раскрытием характера главного героя. Горький проводит его через испытание народничеством, марксизмом, легальным марксизмом, большевизмом, веховством, анархизмом, нигилизмом. Ироническое отношение Клим к выдохшему, превратившемуся в мумию дяде Якову свидетельствует о неприятии им революционного народничества. В постоянных спорах с Кутузовым выявляется органическая чуждость самгинского мировосприятия большевизму. Герои дискусируют о теории солидарности классов и классовой борьбе, об идее «Великой России» и об «эросе в политике», о легальной организации рабочего класса, которая позволила бы ему участвовать в буржуазном парламенте, и о «зубатовщине».

Художественное мастерство писателя столь велико, что каждая из этих идей облекается в образы горьковских персонажей, а то и реальных исторических деятелей со своим складом мыслей и чувств. Роллан писал Горькому:

Я восхищен жгучей беспристрастностью Вашего глаза и ума, умеющих с безошибочной ясностью увидеть всех этих пасынков природы, которых она бросила на полпути, недоделанными, неполноценными, и изобразить их с своеобразной любовью, которая и ненавидит, и презирает. В Вашей книге нет ни одного образа, с которым Вы не «слились бы». (Я хочу сказать, «в чью шкуру Вы не влезли бы» — относясь к ним часто со сдержанным гневом, но всегда справедливо и человечно) [2, с. 202].

Из всех персонажей Горький более всего «сливается» с Климом Ивановичем Самгиным. Его образ имеет собирательный характер, т. к. прототипами героя, по признанию Горького, были известные общественные и литературные деятели: С. П. Мельгунов, В. С. Миролубов, К. П. Пятницкий, А. А. Ярошевский, В. С. Лукин, Н. И. Тимковский, П. Н. Шатагин, Ю. И. Айхенвальд и прочие. Продолжая этот ряд, горьковеды находили черты Клим Самгина во многих писателях, журналистах, общественных и культурных деятелях Серебряного века. Однако, как и другие действующие лица в горьковском произведении, реальные прототипы являются лишь материалом для создания художественных образов героев.

Сохранился список имен, сделанный Горьким в период работы над первыми двумя томами «Жизни Клим Самгина», которые были написаны в Сорренто. Из него следует, что прототипами Лютова являются С. И. Морозов и С. И. Мамонтов, Дьякона — К. П. Радонежский, Спивак — А. А. Каспари, старого писателя — Н. Н. Златовратский. На осно-

вании документальных источников установлено, что Марина Зотова многими чертами напоминает купчиху Ю. А. Болотову, Степан Кутузов списан с большевиков И. И. Скворцова-Степанова, Л. Б. Красина, Н. Е. Вилонова, а провокаторша Никонова — с Н. К. Истоминой.

В густо населенном произведении Горького, которое фельетонист Арго назвал романом «на 800 персон», реальные политические и общественные деятели встречаются наряду с вымышленными. На его страницах появляются император Николай II, императрица Александра Федоровна и цесаревич Алексей, великие князья, политические и общественные деятели П. А. Столыпин, С. Ю. Витте, Г. А. Гапон, Е. Ф. Азеф, глава китайской государственной миссии Ли-Хунг-Чанг и многие другие. Часто мелькают известные писатели: Л. А. Андреев, А. И. Куприн, З. Н. Гиппиус, А. С. Рославлев, авторы известного сборника «Вехи». Особенно много революционеров — от народников до большевиков: В. И. Ленин, Н. Э. Бауман, В. Богомолов, А. Ф. Войткевич, О. Иваницкая, А. В. Ухтомский и др. Горький старается максимально придерживаться реальности, используя мемуары и свидетельства современников, историческую литературу. Так, рассказ о хищении Ли-Хунг-Чангом изумруда во время работы Всероссийской торгово-промышленной выставки дается со слов главного полицмейстера генерала Фабрициуса.

Не раз на страницах «Жизни Клим Самгина» появляется сам Горький — то в облике высокого рыжеусого человека, похожего на переодетого солдата, то модного писателя, воспевшего босяков. О нем упоминает Туробоев накануне 9 января 1905 г., рассказывая о готовящейся провокации: «Вчера, у одного сочинителя, Савва Морозов сообщал о посещении промышленниками Витте» [9, с. 542]. Это сам Горький в день «кровавого воскресенья» идет в плотной толпе рабочих, которых ведут нижегородцы А. Войткевич и О. Иваницкая, именно он прячет за пазуху красное знамя, услышав протест манифестантов «Прочь с флагом!», он приводит Гапона в Вольное Экономическое общество, чтобы собравшиеся могли убедиться, что священник жив.

Примечательна сцена на квартире Горького 9 января 1905 г., в которой помимо самого Горького участвуют Савва Морозов, эсер П. М. Рутенберг и Гапон. По комнате мечется только что переживший расстрел возглавляемой им народной манифестации человек, похожий «на цыгана, не из ловких». Горький и Морозов относятся к нему с нескрываемым презрением. Гапона отправил на квартиру писателя Рутенберг, чтобы переодеть его, постричь и переправить за границу.

Обратимся к черновому наброску этой сцены:

Кроме попа в комнате как будто никого не было, все молчали. Человек с рыжими усами стоял, прислонясь к стене солдатски прямо, в оскаленных его зубах торчала не зажженная папироса, у него — лицо

человека, который может укусить, и папиросу он воткнул в зубы только для того, чтоб не закричать на попа. Рядом с ним на стуле, в позе человека, готового вскочить и бежать, плотный Морозов, чем-то похожий на чугунный утюг. Он близко от Самгина и [Самгину] слышно, как они шепчутся:

— В-вождь, а?

— Твой человек с большой буквы, — ответил Морозов, и его татарское лицо как будто перевернулось от быстрой ядовитой улыбочки.

— Жалоба — без гнева, обида — без ненависти.

— Нищий. Вошь [2, с. 331].

Иронический каламбур «вождь — вошь», характеризую Гапона, существенно снижает образ проповедника, которому верили тысячи рабочих: вместо Человека с большой буквы — фигляр. Эта сцена отражает эволюцию мировоззрения самого Горького, который в 1905 г. еще верил в искренность Гапона, считая его христианским демократом, даже пытался наладить с ним контакты, и только после его убийства узнал о связях Гапона с Департаментом полиции. В очерке «Поп Гапон», написанном для одной из американских газет в 1906 г., Горький писал:

Это — человек случая, выдвинутый вперед других бурей времени, не потому, что он — талант, а только потому, что у него развита впечатлительность, которая позволяет ему воспринимать и отражать настроение момента, у него есть честолюбие, которое толкает его вперед и — затем губит <...> Такого типа люди выскакивают вперед на минуту для того, чтобы в следующую напялить на свои плечи мантию герцога. Их значение в истории — ничтожно, их гибель — вполне естественна. Это — эфемериды в политической жизни [6, с. 402].

Создавая второй том «Жизни Клим Самгина» в 1927–1928 гг., Горький снова пересмотрел известные страницы истории, и вынес более суровый приговор Гапону — не вождь, а человек, который пытался обмануть рабочих, следуя коварному замыслу полицейского начальника Зубатова — оторвать недовольные народные массы от революционных пропагандистов. Теперь это уже не искренне заблуждающийся человек, а позер и трус, не сознающий своей ответственности перед историей. Многие исторические факты в «Жизни Клим Самгина» подчинены задаче показать, кто претендовал на роль вождя в русской истории и какова в ней роль личности и народной массы.

Сплав реальности и вымысла в «Жизни Клим Самгина» создает впечатление подлинности происходящего, эффект исторической хроники, в которой изображены Ходынка и Всероссийская торгово-промышленная выставка 1896 г. в Нижнем Новгороде, «кровавое воскресенье» и баррикады на Пресне в 1905 г., восстание на броненосце «Потемкин» и Первая мировая война, наконец, взлом дверей хлебных магазинов, с которого началась Февральская революция 1917 г. Все эти события

пропущены сквозь призму сознания Клим Самгина, т. е. их оценка дается не автором, а героем, отражающим точку зрения рядового либерального интеллигента.

В произведении действуют представители всех классов, члены самых разных партий, в изобилии возникавших в ту пору на Руси. Воспроизводя ожесточенные споры на актуальные темы о судьбах России, роли интеллигенции и народа в истории, проблемах национального и интернационального, самодержавия и демократии, анархии и твердой власти, Горький дает широкую панораму политической и общественной жизни конца XIX — первой трети XX в. С первых страниц «Жизни Клим Самгина» читатель погружается в накаленную атмосферу споров о народе и общественном прогрессе. Звучат цитаты из статьи Л. Н. Толстого «Прогресс и определение образования», из работ Н. К. Михайловского «Что такое прогресс?», «Десница и шуйца Льва Толстого». Речь идет о теории прогресса, согласно которой нет никаких правил развития общества, ибо «общий вечный закон написан в душе каждого человека» [8, с. 73].

Во многом соглашаясь с Толстым, Н. Михайловский ставил общественный прогресс в прямую зависимость от нравственности, справедливости и разума. Он писал, что «исторический ход событий сам по себе совершенно бессмысленен и, взятый в своей грубой эмпирической целостности может оказаться таким смещением добра и зла, что последнее перевесит первое» [12, с. 51]. Отголоски этих идей слышны в споре Клим Самгина и Любаши Сомовой. Она спрашивает:

Классовая точка зрения совершенно вычеркивает гуманизм, верно?

— Совершенно правильно, — отвечал он, и желая смутить, запугать ее, говорил тоном философа, привыкшего мыслить безжалостно. — Гуманизм и борьба — понятия взаимоисключающие друг друга. Вполне правильное представление о классовой борьбе имели только Разин и Пугачев, творцы безжалостного и беспощадного русского бунта. Из наших интеллигентов только один Нечаев понимал, чего требует революция от человека.

Тут Самгин чувствовал, что говорит не столько для Сомовой, сколько для себя.

— Требуется она, чтобы человек покорно признал себя слугою истории, жертвой ее, а не мечтал бы о возможности личной свободы, независимого творчества [9, с. 156].

Мечтая о личной свободе и независимости, Самгин резко критикует марксистскую теорию прогресса. Победа революции видится ему как торжество «массократии», а не демократии. Он убежден, что социализм в его реальном воплощении приведет к новому варварству, к разрушению и гибели культуры. В отличие от него, Горький верит, что только социализм может дать подлинную свободу народу и приведет к расцвету лучших черт личности. Так

уже во втором томе произведения намечается разногласие между автором и главным героем. Иногда они даже встают друг против друга как враги: в четвертом томе Самгин размышляет: «Историю делают герои... Безумство смелых... Харламов» [13, с. 511].

Цитируя известную горьковскую фразу: «Безумство храбрых — вот мудрость жизни» [17, с. 47], он опровергает убеждение Горького, что историю делает народ. Духовная эволюция Самгина завершается полным отрицанием марксизма и исторического материализма. Читая книги Маркса, Плеханова, Ленина, он понимает, что решительно не согласен с «философией истории, по-новому изображающей процесс развития мировой культуры. Нет, историю двигают, конечно, не классы, не слепые скопища людей, а единицы, герои, и англичанин Карлейль ближе к истине, чем немецкий еврей Маркс. Марксизм не только ограничивал, он почти уничтожал значение личности в истории» [13, с. 511].

Клим Самгин ведет счет личностям, неприемлемым, враждебным ему: Аркадий Спивак, товарищ Яков, Харламов, Тагильский, Макаров, Иноков, Поярко, Тося и ее друзья. А главное, Кутузов, «тяжелый, подавляющий человек и те, кто рядом с ним». Все они верят в необходимость социальных изменений, агитируют на фабриках, организуют политические стачки, проповедуют в армии и даже поговаривают о гражданской войне. Чем ближе к концу подходит произведение, тем больше становится заметным расхождение взглядов автора и главного героя, хотя голос писателя практически неразличим среди полифонического многоголосия хора. И хотя многие упрекали Горького в том, что он смотрит на мир «сквозь самгинские очки», а наполеоновские критики (Г. Горбачев, В. Вешнев, Я. Эльсберг и др.) прямо заявили, что Самгин — это всего лишь «ширма, за которую спрятался сам автор» [18, с. 52], это далеко не так.

Вживаясь в образ героя, чтобы максимально правдиво изобразить его мысли и чувства, Горький вовсе не подчиняется «пассивно-растерянному мировосприятию» Самгина. Авторская позиция не совпадает с самгинской хотя бы потому, что писатель поставил перед собой цель разоблачить «самгинщину» как типичное общественное явление, которое в итоге может привести к предательству. Не случайно Климу оказываются близки и симпатичны провокаторша Никонова и агент полиции Митрофанов.

На протяжении всего многотомного повествования оба — автор и герой — производят смотр своим мыслям, рассуждая о самых сложных проблемах и событиях общественно-политической жизни России. При этом Самгину становится ясно, что народ ему — «очень дальний родственник»:

О рабочем классе Клим Иванович Самгин думал так же мало, как о жизни различных племен, вхо-

дивших в состав империи — эти племена изредка напоминали о себе такими фактами, каково было «Андижанское восстание», о рабочих думалось, разумеется, чаще, — каждый раз, когда их расстреливали. Эти думы обладали свойством мимолетности, они, проходя сквозь сознание, не возбуждали в нем идеи ответственности за жизнь, основанную на угнетении людей, на убийстве их [13, с. 365].

Горький, певец пролетариата и защитник его классовых интересов, никогда не мог бы так сказать. Он изображает процесс пробуждения народного самосознания под влиянием революционной агитации большевиков. Эта тема становится в произведении центральной, объединяя исследование психологии масс с раздумьями писателя о движущих силах истории и о роли вождей масс.

Сложная и противоречивая проблематика произведения, которое автор назвал повестью в широком смысле слова (повествование, как в «Повести временных лет»), не позволила современникам оценить его по достоинству. Полемика вокруг первых томов «Жизни Клима Самгина» вызвала такой отклик Горького:

Сначала этот роман никто не поймет, будут ругать, да уже и ругают. Лет через пятнадцать кое-кто начнет смекать, в чем суть, через двадцать пять академики рассердятся, а через пятьдесят — будут говорить: «Был такой писатель Максим Горький — очень много написал, и все плохо, а что и осталось от него, так это роман “Жизнь Клима Самгина”» [19, с. 183].

После смерти Горького прошло более 80 лет, и только в XXI в. литературоведы начали поновому перечитывать и осмыслять его «книгу века». И хотя не утратили своей актуальности и художественной ценности такие горьковские шедевры, как автобиографическая трилогия, цикл «По Руси», литературные портреты и драматические произведения, «Жизнь Клима Самгина» — бесспорно — самое сложное, пока еще не разгаданное его творение.

Колоссальный замысел сопровождался столь же колоссальной авторской работой: в Архиве А. М. Горького (Москва, ИМЛИ РАН) общий объем рукописных и машинописных страниц произведения достигает 80 000 единиц хранения, не считая мелких набросков и заметок. Заглянув в творческую лабораторию Горького и сопоставив черновые и беловые рукописи, можно проследить за динамикой развития замысла произведения и эволюцией образов.

Стоит обратиться к наиболее значимой в «Жизни Клима Самгина» теме, сохранившей свою актуальность сегодня: изображению массовых движений народа, процессу его духовного преображения под влиянием революционной пропаганды. Горький пытается проникнуть в психологию масс и решить проблему «герой и масса» или «масса — герой». Философия истории в 1920 — нач. 1930-х гг. неизменно обращалась

к этой проблеме. Именно в начале XX века возникает концепция «массового сознания» и «массовой культуры», а «человек массы» подвергается пристальному изучению. Испанский философ Х. Ортеги-и-Гассет утверждал, что в XX веке зародилась новая порода людей — «мятежный человек массы» — и предупреждал:

...если эта порода людей будет хозяйничать в Европе, через каких-нибудь 30 лет Европа вернется к варварству. Наш правовой строй, и вся наша техника исчезнут с лица земли так же легко, как и многие достижения былых веков и культур. Вся жизнь оскудеет и увянет. Сегодняшнее изобилие возможностей сменится всеобщим недостатком: это будет подлинный упадок и закат [20, с. 137].

О «закате Европы» писал в одноименной книге О. Шпенглер, В. Ратенау предупреждал, что восстание масс непременно будет вторжением варварства. Горький не мог пройти мимо этой проблемы в «Жизни Клима Самгина». Образ слепой толпы, которая в своем движении сметает все на своем пути, он создал еще в очерке «Мов», написанном на основе впечатлений от жизни в Америке. Именно там Горький наблюдал, как рождается «страшное животное, которое носит тупое имя «Мов» — толпа»:

Люди, не спеша, слагаются один с другим — их стягивает в кучу, — точно магнит опилки железа, — общее всем им ощущение тревожной пустоты в груди. Почти не глядя друг на друга, они становятся плечом к плечу, сдвигаются все теснее, и — в углу площади образовалось плотное черное тело со множеством голов. Угрюмо молчаливое, выжидательно напряженное, оно почти неподвижно. Сложилось тело, и тотчас быстро возникает дух, образуется широкое тусклое лицо, и сотни пустых глаз принимают единое выражение, смотря одним взглядом, который бессознательно ищет нечто, о чем пугливо доносит инстинкт [6, с. 267].

В своем «чистом» виде толпа действует только под властью инстинктов: чувств голода, страха, раздражения, зависти, гнева, вожделения и пр. Но в основе всего лежит неудовлетворенность жизнью, которую могут использовать в своих целях разного рода агитаторы, «объясняющие господа». В повести «Мать», рассказывая о пробуждении классового сознания рабочих под влиянием речи Павла Власова, Горький изображает толпу так: «... толпа медленно подвигалась к нему, складываясь в темное тысячеглавое тело. Она смотрела в его лицо сотнями внимательных глаз, всасывала его слова» [21, с. 62]. На первомайской демонстрации люди стягиваются к Павлу, «окружая его, точно крупинки железа кусок магнита», а толпа превращается в большую черную птицу.

Теперь толпа имела форму клина, острием ее был Павел, и над его головой красно горело знамя рабо-

чего народа. И еще толпа походила на черную птицу — широко раскинув свои крылья, она насторожилась, готовая подняться и лететь, а Павел был ее клювом... [21, с. 157].

Образ явно ориентирован на воспетых Горьким Сокола и Буревестника, призывающего революционную бурю.

В повести «Исповедь» толпа паломников, идущих крестным ходом в Седмиозерской пустыни, изображена иначе:

... течет темными волнами тело народное к воротам обители, бьется, плещется о стены ее. Нисходит солнце, и ярко-красны его осенние лучи. Колокола трепещут, как птицы готовые лететь вслед за песней своей, и везде — обнаженные головы людей краснеют в лучах солнца, подобно махровым макам [22, с. 385].

В образе огненной птицы изображена осяянная лучами солнца икона Богородицы, а народ, словно темный вал морской, превращается в одно идущее за ней гигантское тело. Он неудержимо летит над землей, «готовый перешагнуть все преграды и пропасти, все недоумения и страхи» [22, с. 387].

Народ становится богостроителем: огненный поток «живых сил, бурно текущих к слиянию в единую силу» совершает чудо — исцеление больной девушки. Под влиянием массового импульса веры парализованная встает и начинает ходить. Писатель верил, что объединенная коллективная энергия может стать материальной силой, а толпа превратится в Бога-народушку.

Идея коллективизма, которую Горький во многом заимствовал в работах А. А. Богданова, В. А. Базарова, А. В. Луначарского, вела его к утверждению необходимости «слияния» людей труда в единую созидательную силу. В переписке с Богдановым, особенно активной в 1908–1909 гг., он не раз поднимал вопрос о важности понимания психологии толпы. Называя себя «преколлективистом по Базарову» [25, с. 37], писатель выступал против социологов, которые, изучая проблему коллективной психологии, делают акцент на преступности толпы и преувеличивают роль личности в истории.

Среди них Горький упоминает французского социолога Г. Тарда, итальянского Ш. Сигеле и Н. К. Михайловского, представлявшего субъективную этико-социологическую школу в России. В работах «Герои и толпа», «Еще о героях», «Еще о толпе» Михайловский утверждал, что коллективному «автоматизму» подвержены только ущербные личности, готовые подчиниться внешней власти. Он осуждал народные бунты и восстания, считая, что их участники идут по скользкому пути, по которому можно докатиться до грабежа и разбоя.

Горький придерживался точки зрения Базарова, высказанной в статье «Материал коллективного опыта и организующие его формы» (опубликована

в сборнике «Очерков философии коллективизма» (1909. Вып. 1). По его мнению, коллективизм органически присущ пролетарскому сознанию и должен стать основой для создания нового типа человека в социалистическом обществе будущего («Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»). Во многом, соглашаясь с этой точкой зрения в период жизни на Капри, Горький считал, что «настало уже время, когда взгляд на психику не только народа, но и толпы должен быть радикально изменен» [26, с. 198]. Именно поэтому, пересматривая свои взгляды и сопоставляя разные социологические концепции, в «Жизни Клим Самгина» писатель вновь ставит вопрос о том, что такое толпа — слепое безликое чудовище, способное на любое преступление, или могучая созидательная сила, обновляющая бытие и сознание человека.

В «Жизни Клим Самгина» Горький показывает разные этапы эволюции образа толпы, которая постепенно превращается в грозную непобедимую силу. Этот мотив органически связан и с эволюцией образа главного героя, претендующего на роль идейного руководителя масс, и с осмыслением роли большевиков в событиях конца XIX — начала XX в., и с оценкой таких значимых для истории России событий, как Ходынка, Девятое января 1905 г., Всеобщая октябрьская стачка, Декабрьское вооруженное восстание 1905 г., Февральская и Октябрьская революции 1917 г.

Образ народной массы появляется уже в первом томе «Жизни Клим Самгина» в сцене поднятия деревенского колокола. Идя в пестрой толпе мужиков и сельчан из окрестных деревень, Клим не может избавиться от предчувствия трагедии.

Тихий гул толпы, стущаясь, заражал напряженным ожиданием взрыва громовых криков. Туробоев шел впереди, протискиваясь сквозь непрочную плоть толпы, за ним гуськом, продвигались остальные, и чем ближе была мясная масса колокольни, тем глуше становился жалобный шумок бабьих молитв, слышнее голоса духовенства, служившего молебн [28, с. 366–367].

Все вокруг неприятно и чуждо Самгину, который ждет, что колокол вот-вот упадет на землю, и замирает от ужаса, увидев мертвого парня в розовой рубашке, которому веревкой захлестнуло шею. Толпа пугает его, а герой — кузнец, поднявший семнадцатипудовый колокол, — не вызывает восторга: «А может, кузнец пошутил, нарочно веревку то накинул... Может, и ошибся... Всякое бывает» [28, с. 374]. Клим уверен, что трагедия неминуема там, где большое скопление народа. И толпа, и герой лишены здесь ореола.

Трагедия, которая произошла в день коронации Николая II на Ходынском поле в Москве, была чудовищным несчастьем, унесшим жизни около 2000 человек. Огромная толпа народа, скопившаяся, чтобы получить «царский гостинец», издалека кажется Самгину икрой, а головы людей — мел-

кими кругленькими зернами: «Да, поле, накрытое непонятным облаком, казалось смазано толстым слоем икры...». Он соглашается с Макаровым, считающим поведение народа «концентрированной глупостью». Неисчислимая толпа, плотно спрессованная в единую «икрянную массу», пугает Клим, как пугал в детстве крестный ход. Ему кажется, что «если эта масса внезапно хлынет в город, — улицы не смогут вместить напора темных потоков людей, люди опрокинут дома, растопчут их руины в пыль, сметут весь город, как щетка сметает сор» [28, с. 468].

Но вот мимо Самгина проезжают телеги с трупами раздавленных на Ходынском поле, идут и едут искалеченные, раненые, безумные, «расплющенные» люди. Нагнетается атмосфера духоты, гуши, трясины, в которой люди хуже икринок: их головы давят, втаптывают в землю, по ним идут, как по камням: «растопчут человека и уходят, не оглядываясь на него». Образ толпы приобретает звериный характер, но зверь этот пассивен. «Возмущенных мало... Возмущенных я не видел», — говорит Макаруев. «Люди устало шли против солнца, наклоня голову, как бы чувствуя себя виноватыми» [28, с. 476]. Самгин делает вывод: «Макаров прав: люди — это икра <...> людям следует разъединиться, так они виднее и понятнее друг другу. И каждый должен иметь место для единоборства» [28, с. 489]. Дилемма «человек–толпа» решается в пользу личности, и в этом автор соглашается со своими героями.

Эволюция образа народной толпы продолжается во второй части «Жизни Клим Самгина». Уступая просьбе Варвары, Клим идет с ней в Кремль, чтобы встретить пасхальную ночь. Они попадают в плотный поток людей, который движется к памятнику царя Александра II. За стенами Кремля

толпа, сейчас же всосав его в свою черную гущу, лишила воли, начала подталкивать, передвигать куда-то <...> Холодная тьма сжала людей в единое чудовищное целое, оно волнообразно покачивалось, прогибая землю своей тяжестью. Желтые жирные потоки света из окон храмов вторгались во тьму над толпой, раздирали тьму, и по краям разрывов она светилась синевато, как лед. Свет падал на непокрытые головы, было много лысых черепов, похожих на картофель, орехи и горошины, все они были меньше естественного, дневного объема и чем дальше, тем заметнее уменьшались, а еще дальше люди сливались в безглавое и бесформенное черное [9, с. 328].

Толпа выступает в роли врага личности, ибо подавляет волю Клим, заставляя делать то, что ему чуждо.

Конные полицейские, охраняющие порядок, кажутся Самгину страшными черными кентаврами, толпа, окружившая колокольню Ивана Великого, мертвой зыбью, а сама колокольня — огромным уродливым пальцем с медным ногтем.

Клим подумал: упади она, и погибнут сотни людей из Охотного ряда, из Китай-города, с Орданки и Арбата, замоскворецкие люди из пьес Островского. Еще большие сотни, в ужасе перед смертью, изувечат, передавят друг друга. Или какой-нибудь иной ужас взорвет это крепко спрессованное тело, и тогда оно, разрушенное, разрушит все вокруг, все здания, храмы, стены Кремля [9, с. 328].

Если в «Исповеди» религиозная толпа рисуется как созидатель, равный по силе и мощи Богу, то в этом отрывке «Жизни Клим Самгина» она выступает в роли разрушителя. Лишь пасхальный благовест и восклицание «Христос воскрес!» заставляет ее преобразиться: «Толпа быстро распалась на отдельных, вполне ясных людей, это — очень обыкновенные люди, только празднично повеселевшие...» [9, с. 330]. Черное чудовище превращается в отдельных людей.

Сопоставление черновых и беловых рукописей позволяет увидеть, как развивается мысль автора. Описывая в черновой редакции день 9 января, Горький отмечает, что рабочие «шли густой черной волной, не торопясь и не шумно. В воздухе колебался и плыл знакомый Самгину говор сотен людей, напоминавший скорее деревенский шумок, когда поднимали колокол, чем нестройный гул той рабочей толпы, которая шла в Кремль к деду царя» [9, с. 547].

Писатель подчеркивает «деловитую уверенность» людей, «единодушное стремление» к мирному разговору с царем, их серьезное и торжественное настроение. После выстрелов в безоружных рабочих толпа «рявкнула, заметалась, стала рассыпаться на кучки, единицы». Теперь в тексте черновика появляются такие фразы: «согнутые ветром, темненькие одинокие фигурки», «взмахи бессильных рук». Горький пишет: «Убитые и раненые падали головами вперед, точно кланялись убийцам в ноги» [30, с. 122].

В беловом автографе усиливается мысль об исторической значимости происходящего. После слов о «деловитой уверенности» появляется фраза, объясняющая такое настроение людей: «Самгин почувствовал в неторопливости движения рабочих сознание, что они идут на большое историческое дело» [9, с. 547]. Пытаясь договориться с царем и веря в успех мирных переговоров, рабочие даже не догадываются, что их предали и ведут под пули. В описании расстрела Горький подчеркивает доминирующую в беловом автографе мысль: понимание со стороны царя рабочие не дождалось, поэтому 9 января в России была убита вера в самодержавие. Возникает выразительная символическая картина: вместо рук, доверчиво протянутых к царю, на площади перед Троицким мостом лежит отрубленная «темная кисть руки вверх ладонью» [9, с. 554].

Сравним соответствующие друг другу тексты черновой и беловой рукописей:

ЧА

«На площади валялись много шапок, галош, была аккуратно разостлана серая шаль, около нее — рукав пиджака, а среди этих вещей ползали окровавленные люди, лежали убитые в странных позах» [30, с. 122].

Горький не просто расширяет описание, делая его выразительнее и точнее. В первоначальном варианте он лишь фиксирует то, что отложилось в его памяти, т. к. сам был свидетелем происходящего. В окончательном тексте писатель дает свою трактовку трагедии, углубляя причинную последовательность событий, конкретизируя детали и доводя некоторые из них до жуткого символа (шаль, отрубленная рука, рабочий, которого вместо свободы напоили собственной кровью).

Горький подчеркивает, что после выстрелов плотное тело толпы, спрессованное вначале общим стремлением рассказать царю о своих бедах и попросить помощи, начало «рассыпаться на кучки, на единицы»: «...тело толпы распалось, отдельные фигуры, отскакивая с боков ее, бежали прочь, падали на землю и корчились, ползли, а многие ложились на снег в позах безнадежно неподвижных» [9, с. 551–552].

Расстрел безоружной толпы, которую добивали шашками кавалеристы по приказу великого князя Владимира Александровича (Романова), озлобил народ и толкнул его к революционерам: на Васильевском острове в тот же день рабочие под руководством большевиков захватили оружейную мастерскую и начали строить баррикаду. Настроение людей стремительно меняется: «Толпа выла, ревела, грозила солдатам кулаками, некоторые швыряли в них комьями снега...» [9, с. 560]. Город гудел, чувствуя, что случилось что-то необыкновенное, устрашающее, к вечеру в типографии, захваченной большевиками, уже была отпечатана прокламация

ЧА

«Когда люди сплыли с площади, Самгин увидел распростертую на булыжнике дамскую перчатку» [30, с. 132].

БА

По площади ползали окровавленные люди, другие молча подбирали их, несли куда-то; валялось много шапок, галош, большая серая шаль лежала комком, точно в ней был завернут ребенок, а около ее, на снеге — темная кисть руки вверх ладонью. Зарубленный рабочий лежал лицом в луже крови, точно пил ее, руки его были спрятаны под грудь, а ноги, как римская цифра V» [9, с. 557].

с призывами: «К оружию, товарищи!», «Свергнем царское правительство, поставим свое!». И Самгин сделал вывод: «Героем времени постепенно становится толпа, масса...» [9, с. 580].

Следующим этапом развития образа толпы является описание манифестации черносотенцев, демонстрирующих верность царю осенью 1905 г. Стремясь противопоставить большевикам свою силу, они выводят на улицу всех, кто отвечает на звон соборного колокола, зовущего на молебен:

люди шагали быстро, говорили крикливо и необычно перепутались: рядом с горожанами, одетыми празднично, шла растрепанная мастеровщина, всюду сновали оборванные ребятишки, стремясь, как на пожар или на парад [9, с. 596].

Площадь перед собором, полная народом, кажется Самгину огромным блюдом, наполненным «салатом из овощей, зонтики и платья женщин напоминали куски свеклы, моркови, огурцов» [9, с. 596–597]. Комическое снижение образа толпы происходит параллельно с развенчанием значимости события. Горький зачеркивает слова «политическое значение дня» и пишет: «копошились люди, размахивая трехцветными флагами, поблескивая окладами икон, обнажив лохматые и лысые головы. Толпа стала гуще, плотнее и еще более похожа на винегрет из овощей» [30, с. 130–131].

Постепенно снижая образ, Горький подчеркивает комическую сущность, несерьезность происходящего:

БА

«Площадь пустела. В десятке шагов от решетки на булыжнике валялась дамская перчатка. Пальцы ее были сложены двуперстным крестом; это воскресило в памяти Самгина отрубленную кисть руки на снегу. Он посмотрел, как толпа втискивает себя в устье главной улицы города, оставляя за собой два широких хвоста, вышел на площадь, примял перчатку подошвой и пошел к набережной. Его обогнала рыженькая собачка с перчаткой в зубах, загнув хвостиком кольцом, она тоже мчалась к реке; тогда Самгин снова возвратился в сад. Там на спинках скамеек сидели воробьи, точно старенькие люди; по черноватой воде пруда плавал желтый лист тополей, напоминая ладони с отрубленными пальцами» [9, с. 600–601].

Текст приобретает не только большую художественную выразительность, но и обнажает скрытый в подтексте замысел автора. Два широких хвоста толпы и хвостик рыженькой собачки, желтенькая дамская перчатка и отрубленная солдатом-кавалеристом кисть человеческой руки, желтые листья тополей и ладони с обрубленными пальцами — эти парные детали несут огромную смысловую нагрузку. Мощному движению массы рабочих противопоставлена жалкая демонстрация иллюзорной силы, ровному гулу толпы — «нестройный вой союзников». Подлинная трагедия народа в день 9 января оборачивается дешевым фарсом в манифестации членов «Союза русского народа». Завершает сцену ироническая деталь: около клумбы стоял вниз головой портрет царя (в черновике: «проткнутый палкой насквозь в изломанной раме портрет царя»).

Шествие союзников наталкивается на противоборствующую ему демонстрацию большевиков, идущих под красным флагом. «В конце улицы топтались вокруг красного флага демонстранты: железнодорожники, мастеровые, гимназисты, было много девушек, преобладала молодежь» [9, с. 602]. Драка с монархистами длилась недолго: они отступали, «точно разбитое войско», в их движениях было «что-то слепое», но и большевики не выглядели победителями. Соглашаясь с адвокатом Правдиным, Самгин определяет их действия как «демонстрацию бессилия». «Эта пестрая толпа молодых людей была в его глазах так же несерьезна, как манифестация союзников» [9, с. 603].

Горький тоже подчеркивает несерьезность акции: поднятый большевиками красный флаг был «длинный и узкий, точно язык», у Корнева, возглавляющего толпу, «детские глаза», а мостовая после столкновения «была пестро украшена лохмотьями кумача» [9, с. 604]. А главное, обыватели никак не прореагировали на случившееся, окна домов с шумом захлопывались, ворота запирались, никто не вышел на улицу, чтобы поддержать демонстрантов.

В черновом варианте этой сцены Горький подчеркивает равнодушие обывателей, давая развернутое описание улиц, опустевших во время драки. Тревожная тишина безлюдных переулков пугает и даже оскорбляет Самгина, «заставляя его невольно вздрагивать и внутренне морщиться. Нет, оскорбительно было то, что эти хозяева глухих переулков и тихоньких чистых улиц, эти люди, уютными гнездами и устойчивой жизнью которых Самгин любовался когда-то, теперь — в этот тревожный день, ведут себя как равнодушные зрители опасных безумств» [30, с. 141]. Голос автора явственно слышен за словами Самгина: «Нельзя же это назвать революцией!» [30, с. 141]. В окончательном тексте эта фраза исчезла, но появилось развернутое описание бегства Самгина от людей, которые пытаются свалить вину за случившееся на революционеров «из Варавкина дома». Можно сделать вывод, что писатель акцентирует внимание на неготовности России

к революции, на безразличии обывателя к происходящим событиям.

Иначе дается описание толпы на страницах «Жизни Клима Самгина», посвященных Всеобщей октябрьской стачке. В сентябре-октябре 1905 г. в Москве забастовали печатники, затем булочники, табачники, рабочие трамвайных депо; 5–6 октября встали крупнейшие предприятия Петербурга, а стачка переросла во всеобщую. После призыва Московского комитета большевиков «К всеобщей стачке» забастовка охватила всю страну. Бастовало более 500 тысяч фабрично-заводских рабочих и 750 тысяч железнодорожников. К ним присоединились 17 профессиональных союзов и организации либеральной интеллигенции. Большевики настаивали на перерастании стачки в вооруженное восстание.

Самгин узнает о стачке от прислуги Анфимьевны, которая приносит ему утром черствые булочки и сообщает, что забастовали и булочники, и трамвайщики. Оказавшись в толпе народа, где господа в дорогих шубах, благообразные мещане, шумные студенты и гимназисты смешались с наборщиками, булочниками, фабричными и железнодорожными рабочими, Самгин размышляет: «чем отличается эта масса людей от тех десятков тысяч рабочих, которые шли за Гапоном?» и делает вывод: «Толпа была, как одно тело». В черновике эта мысль развивается так:

Он понимал, что эта необыкновенная демонстрация, без красных флагов, без пения революционных гимнов, действительно «начало конца» Чувствовать так заставляло его бесстрашное настроение демонстрантов, явно выраженное ими спокойное сознание своей силы [30, с. 176].

В беловом тексте Горький дает более развернутый ответ:

Он зорко присматривался к лицам людей, — лица такие же, как у тех, что три года тому назад шагали, не торопясь в Кремль, к памятнику Александра II, да, лица те же, но люди — другие. Не похожи они и на рабочих, которые шли за Гапоном к Николаю II. Невозможно было понять, за кем и зачем идут эти? Идут тоже не торопясь, как-то по-деревенски, с развалцем, без красных флагов. Без попыток петь революционные песни. И нет ни одного Корнева, хотя интеллигентов — немало. Они, как «объясняющие господа», должны бы идти во главе рабочих, но они вкраплены везде в массу толпы точно зерна мака на корке булки [9, с. 632].

Даже при встрече с вооруженными казаками толпа не разбегается, распавшись на бессильные одинокие фигурки. Люди бесстрашно бросаются на них, стаскивая с лошадей, не пугаясь выстрелов и побоев.

«Долой самодержавие!» — кричали всюду в толпе; она тесно заполнила всю площадь, черной кашей кипела на ней, в густоте ее неестественно подпры-

гивали лошади, словно каменная и замороженная земля под ними стала жидкой, засасывая их, и они погружались в нее до колен, раскачивая согнувшихся в седлах казаков [9, с. 633].

Монолитность толпы Горький объясняет тем, что «объясняющие господа» (большевики-интеллигенты) растворились теперь в массе рабочих, как зерна мака в хлебе.

В повести «Мать», рисуя майскую забастовку рабочих, Горький сравнивал толпу демонстрантов с клином, на острие которого был большевик Павел Власов, похожий на романтических героев из его ранних рассказов (Сокол, Данко, Буревестник). Корнев в «Жизни Клим Самгина» тоже идет впереди демонстрантов с красным флагом в руках. Но теперь писатель дает иную модель: «герой — толпа» вместо «герой и толпа». По мысли Горького, большевики, постепенно овладевая сознанием массы, растворились в ней, образуя монолитное целое. Именно поэтому толпа «двигалась, точно чудовищный таран, отступая и наступая» [9, с. 635]. Можно сказать, что в 1927–1928 гг., работая над окончанием второго тома «Жизни Клим Самгина», Горький не акцентировал внимание на роли личности в истории, считая, что течение событий могут изменить только народные массы.

Кульминационной вершиной развития образа толпы являются страницы произведения с описанием похорон Н. Э. Баумана (Марата), убитого черносотенцем 18 октября 1905 г. Его похороны превратились в смотр боевых сил пролетариата накануне Декабрьского вооруженного восстания. В Москве забастовали все фабрики и заводы. 20 октября на улицы вышло 300 тысяч демонстрантов. По свидетельству современников, это был «апофеоз московского рабочего движения» [11, с. 55].

Горький тщательно работал над сценой похорон: заменил слово «толпа» словами «масса людей», подчеркнув, что безликая и покорная человеческая «икра» теперь состоит из личностей, объединенных общими целями и общей идеей. Определяя значение демонстрации как «трагический парад масс», писатель создает выразительный символический образ Левиафана:

...на Театральную площадь выползла красная голова небывало и неестественно плотного тела процессии, «чем дальше на площадь выползал черный Левиафан, тем более было флагов, и теперь они уже напоминали красную чешую на спине чудовища. В этой массе было нечто необыкновенное для толпы людей [9, с. 659].

В процессе работы над текстом Горький подчеркивает гармоничную согласованность огромного человеческого организма, его «внутреннюю стройность». В беловом тексте появляются слова: «У многих в руках револьверы». Толпа определяется как неисчислимая. И наконец, перенося несколько раз с места на место абзац, выражающий глубинную суть происходящего, Горький находит наиболее

удачный вариант: «...каждая из этих единиц несет в себе одну и ту же мысль, одно и то же слово — меткое словцо, которое всегда во всякой толпе совершенно точно определяет ее настроение» [9, с. 662]. Это слово — революция.

Повествование в «Жизни Клим Самгина» доведено до февральских событий 1917 г. В четвертом томе произведения все чаще в многоголосом полифоническом хоре героев возникает разговор о том, что «революция лезет изо всех щелей» [13, с. 538]. Все увереннее выступают большевики, побеждая в дискуссиях меньшевиков и эсеров. Похожий на машиниста паровоза Кутузов, раздражая Клим, утверждает: «Наша армия разбита, и мы — накануне революции. Не нужно быть пророком, чтобы утверждать это, — нужно побывать на фабриках, в рабочих казармах. Не завтра — послезавтра революция вспыхнет» [13, с. 527]. Выходя на улицу, Самгин видит все больше людей с красными бантами в петлицах. 14 февраля 1917 г. начались забастовки рабочих, переросшие во всеобщую стачку, на улицы выплеснулись бурные волны революционных демонстраций. Но теперь уже Клим не идет в толпе народа, грозно требующего «хлеба!» и поющего Интернационал. «Не желая, чтобы темные волны демонстрантов, захлестнув его, всосали в свою густоту, он наблюдал издали, из-за углов» [13, с. 549].

Сравнивая эту толпу с той, что видел раньше, Самгин отмечает ее необычайную плотность и слаженность, стройное, осмысленное пение революционного гимна. Толпа постоянно пополняется новыми людьми, среди которых Клим видит своих знакомых.

За оградой явилась необыкновенной плотности толпа людей, в центре первого ряда шагал с красным знаменем в руках высокий широкоплечий черноусый, в полушубке без шапки, с надорванным рукавом на правом плече. Это был, видимо, очень сильный человек: древко знамени толстое, длинное, в два человеческих роста, полотнище — бархатное, но человек держал его пред собой легко, точно свечку. По бокам его двое солдат с винтовками, сзади еще двое, первые ряды людей почти сплошь вооружены, даже Аркадий Спивак, маленький фланговой первой шеренги, несет на плече какое-то ружье без штыка [13, с. 564].

«Жизнь Клим Самгина» Горький не закончил. Итогом развития образа народной массы можно считать эти страницы. Напомним горьковские характеристики: «непрочная плоть толпы», жалобные бабьи голоса и тревожное ожидание трагедии при описании подъема колокола в деревне, человеческая икра на Ходынском поле, одинокие бессильные фигурки людей, которые падали 9 января 1905 г., как бы кланяясь своим палачам. Несознательная масса, объединенная слепой верой в царя, распадается на единицы после «кровавого воскресенья», существует как пассивное большинство, наблюда-

ющее за схваткой большевиков с черносотенцами, а затем, проникшись революционной идеей, превращается в плотно сбитую монолитную массу, объединенную общими интересами. Чудовищный Левиафан, грозно движущийся по притихшим улицам Москвы, из символа революции превращается в реальных людей, вооруженных и полных решимости отстаивать свои права. Можно сказать, что Горький характеризует слепую толпу как жертву, а прозревшую — как непобедимое чудовище, способное изменить ход истории.

Параллельно развивается тема роли личности в исторических событиях: тезис «герой и толпа» сменяется другим «толпа — герой», а Самгину, убежденному в своей исключительности, остается только роль зрителя из-за угла. Не случайно в одном из вариантов окончания произведения он должен был, по мысли Горького, погибнуть, раздавленный толпой. Оказавшись около броневика, с которого Ленин призывает народ к социалистической революции, Клима слышит:

Уйди! Уйди с дороги, таракан! И-эх, таракан! <...> Мешок костей. Кровь текла из-под шапки и еще откуда-то. У ног его росла красная лужа и казалось, что он тает. Женщина наклонилась и попробовала пальцем прикрыть глаз, но ей не удалось это, тогда она взяла дощечку от разбитого снарядного ящика, положила ее на щеку [13, с. 587].

Но существуют и другие варианты конца «Жизни Клима Самгина»: герой уезжает из России и оказывается в эмиграции, работая репортером одной из антисоветских газет, или остается на родине и становится «врагом народа», или стреляет себе в рот, кончая жизнь самоубийством. Трудно сказать, какой из них выбрал бы Горький, проживи еще несколько лет. Вернувшись на родину и заново осмысляя исторические пути и судьбы России, видя, как один за другим уходят со сцены руководители большевиков (В. И. Ленин, Л. Д. Троцкий, Г. Е. Зиновьев, Л. Б. Каменев, Ф. Э. Дзержинский, Н. И. Бухарин, А. И. Рыков и мн. др.), он сам чувствовал себя на распутье разных дорог и не знал, какую выбрать. Об этом свидетельствуют черновые записи и последние наброски к «Жизни Клима Самгина».

Размышляя о роли «объясняющих господ», которые внушают народу свои идеи, писатель все чаще вкладывает в уста Самгина негативные суждения о большевиках.

Ленина обвиняют в том, что он хочет навязать партии свою волю, — говорил он, пытаясь нащупать правду для себя. — Обвинение правильное, но еще не полное, потому что для Ленина партия — душа рабочего класса, и он через партию навязывает свою волю рабочему классу. Это — диктатор по натуре и бесспорно очень прозорливый человек. Он хорошо учел значение Зубатова и понял, что рабочим и вообще русскому народу необходим вожь. Сун Ят

Сен, не Бебель, а именно Сун Ят Сен, человек, который схватил бы за горло самодержавцев и крикнул: да что вы озорничаете? [30, с. 245].

Характеризуя большевиков, Горький много раз возвращается к одной и той же мысли: «Большевики — бонапартизм». Он пишет: «Такие прямолинейные мальчишки встречались все чаще, и Самгин видел, что безоговорочная решительность их суждений раздражает не только его. На одном из вечеров у Гогина почтенный старый журналист-народник кричал на них, сверкая очками: «Бонапартисты. Ленинские молодцы!», «...прямолинейные юноши типа Властова, Усова не позволяли относиться к ним свысока, более того безоговорочная решительность их мнений внушала кроме чувства вражды к ним еще что-то. Что?» [30, с. 244–246].

Горький отвечает на этот вопрос почти как Самгин: «Он сам видел, что размышляет противоречиво и как бы мимо событий, смысл которых был одновременно и прост, и сложен, прост потому, что все они были явно революционны, сложен потому, что он видел среди них себя самого только прислужником, механически выполняющим веления чужой воли» [30, с. 244–246]. Можно было бы объяснить эти суждения особенностями мышления либерального интеллигента Клима Самгина, не терпящего чужого влияния на него, отвергающего навязанные ему взгляды. Но в предсмертных записках самого Горького читаем: «Появились люди, испуганные необходимостью жить иначе. Они усердно и придирчиво искали признаков новизны. Выползли из подвалов какие-то властолюбцы, требовательные...» [29, с. 60].

По-видимому, в последние дни жизни он думал не только об окончании «Жизни Клима Самгина», но и в противоборстве старого и нового в истории России, о собственных спорах с большевиками и упреках, которые не раз высказывал Ленину. Говоря о «самгинском гамлетизме», он не мог не вспомнить «Гамлета русской революции» А. А. Богданова, взгляды которого долгое время разделял. По-видимому, богдановское видение социализма, противостоящее ленинскому, было гораздо ближе писателю, чем ортодоксальность «верных ленинцев», оправдывавших жестокость классовых битв. Ведь Богданов, как и Горький, мечтал об идеальном обществе, созданном по принципам научного социализма, в котором нет ни социального неравенства, ни классовой борьбы. Ее заменяет борьба с природой и проблема обретения долголетия, а неограниченная свобода труда позволяет жителям разумно организовать производство, потребление и даже победить собственный инстинкт.

На полях одного из набросков к «Жизни Клима Самгина» написано: «Террор, аграрная лига, [меньшевики], борьба реформаторов с революционерами в партии с.-д., суэта конституционалистов» [30, с. 243]. Эти заметки воскрешали в памяти писателя период после революции 1905 г., когда в партии социал-демократов шла ожесточенная борьба меж-

ду сторонниками Ленина и «другими большевиками» во главе с Богдановым, которого активно подерживал Горький.

Иными словами, противоречивость рассуждений Клим Самгина была кривозеркальным отражением мыслей самого писателя о революционности и реформизме, об издержках террора и излишней «прямолинейности» большевиков, которых он тоже упрекал в бонапартизме в 1917–1918 гг. И быть может, не только Клим Самгину принадлежит парадоксальная мысль о том, что революция нужна для того, чтобы уничтожить революционеров. «Жизнь Клим Самгина» полна таких загадок, разгадать которые можно лишь с помощью детального анализа этой «книги века».

Противостояние автора и героя с одной стороны нарастало к концу произведения, т. к. Горький, вернувшись на родину, добросовестно попытался принять идеологию марксизма-ленинизма и осудить либеральную интеллигенцию, которую называл «нянькой капитализма». Но с другой стороны, чем больше писатель вникал в реальную жизнь Страны Советов, тем больше у него возникало сомнений в правильности осуждения Клим Самгина. Певец Человека и его мятежной мысли, «еретик», который всегда отстаивал свое право мыслить самостоятельно, Горький не мог быть суровым судьей русской интеллигенции, которую считал ломовой лошадкой истории.

В 1928–1929 гг. он поверил в существование «вредительства» в Советском Союзе и даже писал Р. Роллану:

Советская власть и авангард рабочей партии находятся в состоянии гражданской, — т. е. классово-войны. Враг, против которого борются и необходимо бороться — интеллигенция, стремящаяся реставрировать буржуазный строй, и зажиточное крестьянство, которое, защищая частное мелкое хозяйство, основу капитализма, вредит делу коллективизации, прибегая к террору, к убийствам коллективистов, поджогам имущества коллективов и прочим приемам партизанской войны. На войне убивают [7, с. 171].

Последняя часть «Жизни Клим Самгина» создавалась в те годы, когда многие интеллигенты, честно служившие советской власти, были объявлены «врагами народа» и «вредителями». Громкие политические процессы (Шахтинский (1928), «Промпартии» (1930), «Трудовой крестьянской партии» (1930), «Союзного центра меньшевиков» (1931) и др.) свидетельствовали, что от эгоцентриста, балансирующего на грани предательства, до настоящего врага очень небольшой путь. Тем более, что Горького всячески старались убедить в этом всеильный комиссар госбезопасности Г. Г. Ягода, присылая ему через П. П. Крючкова собственноручные признания «вредителей», чей почерк был хорошо знаком писателю (Н. Суханова, В. Базарова, П. Осадчего, В. Громана и др.). Не удивительно, что писатель довольно

долго верил этим признаниям и соответственно пытался в «Жизни Клим Самгина» показать разложение личности и опустошение души рефлексирующего индивидуалиста.

В последнем томе «Жизни Клим Самгина» вновь возникает полемика вокруг известного сборника «Вехи», ставшего символом веры либеральной интеллигенции. Самгин с чувством одобрения слушает Дронова, цитирующего статьи из этой книги: «Внутренняя жизнь личности есть единственно творческая сила человеческого бытия, и она, а не самодовлеющие начала политического порядка являются единственно прочным базисом для всякого общественного строительства» [13, с. 230]. Самгин признается: самому себе: «В этой книге есть идеи очень близкие мне, быть может, рожденные, посеянные мною» [13, с. 233].

Отрекаясь от демократического движения и революционных идей, авторы сборника «Вехи» (П. Б. Струве, Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков, М. О. Гершензон, С. Л. Франк, Б. А. Кистяковский, А. С. Изгоев) утверждали необходимость твердой монархической власти с ориентацией на колониальные захваты и подавление революционных движений народа. В предисловии к сборнику говорилось о признании теоретического и практического первенства духовной жизни над внешними формами общежития. Цитата, которая так понравилась Самгину, взята именно из этого предисловия, написанного Гершензоном. Горький отчеркнул ее в своем экземпляре сборника, хранящегося в его личной библиотеке.

Соответственно другие цитаты из «Вех», которые обсуждают Самгин и Дронов, взяты из статей Франка «Этика нигилизма. (К характеристике нравственного мировоззрения русской интеллигенции)», Изгоева «Об интеллигентной молодежи. (Заметки об ее быте и настроениях)», Бердяева «Философская истина и интеллигентская правда», Гершензона «Творческое самосознание». Соглашаясь с авторами сборника и восхищаясь их «новым словом», Самгин обнаруживает духовное родство с веховцами.

Горький непримиримо отрицательно относился к веховству не только в дореволюционный период, говоря, что «Вехи» — «мерзейшая книжица за всю историю русской литературы» [16, с. 120]. В докладе на Первом всесоюзном съезде советских писателей он столь же резко отозвался о книге, говоря, что «основной смысл сборника «Вехи» повторил сказанную в 70-х годах изуверскую мысль матерого консерватора Константина Леонтьева: «Россию надо подморозить», то есть затоптать в ней все искры огня социальной революции» [27, с. 315]. Можно сделать вывод, что в 1930–1934 гг., работая над последней книгой «Жизни Клим Самгина», Горький все еще отступал от своего намерения развенчать главного героя как носителя индивидуалистического сознания, хотя начинал осознавать всю трагичность его существования в антагонистическом мире.

Доводя повествование до 1917 г., Горький все больше раздумывал об исторических судьбах Рос-

сии. Он рисует картину полного разложения верхов накануне Октября. В одном ряду с Гапоном и Азефом возникает фигура Григория Распутина. Самгин слышит в окружном суде взволнованную речь:

Нет, вы подумайте: XIX век мы начали Карамзиным, Пушкиным, Сперанским, а в XX у нас — Гапон, Азеф, Распутин. Выродок из евреев разрушил сильнейшую и так сказать национальную политическую партию страны, выродок из мужиков, дурак деревенских сказок, разрушает трон... [13, с. 509].

Распутину как орудию разрушения самодержавия противостоят те, кто требует, чтобы революция совпала с религиозной реформацией. Христианских демократов Г. А. Гапона и Г. С. Петрова сменяет рыженький Берендеев, речи которого почти совпадают с религиозно-философскими рассуждениями В. В. Розанова, Н. А. Бердяева, С. Н. Булгакова. В этой обстановке Самгин чувствует себя рядовым членом партии кадетов, ощущая идейное родство с П. Б. Струве и его единомышленниками.

Россия нуждается не в революции, а в реформах. Революцию нельзя понять иначе как болезнь, как воспаление общественного организма. <...> Если я хочу быть искренним с самим собою, я должен признать себя плохим демократом, — соображал Самгин. — Демос — чернь, власть ее греки называли охлократией. Служить народу — значит руководить народом. Не иначе. Индивидуалист, я должен признать законным и естественным только иерархический, аристократический строй общества [13, с. 507–508].

Судя по всему, это говорит антипод Горького, ибо писатель всегда яростно защищал демократию. Но почему, пережив страшные годы гражданской войны, в письме Роллану от 13 декабря 1923 г. он почти дословно повторяет самгинскую мысль о заболевании общественного организма России? Горький пишет:

Мы, русские писатели, усиленно анализировали, критиковали, отрицали и, осмелюсь утверждать, достигли, наконец, того, что болезнь души, или иными словами, заболевание внутренних органов русского народа превратилось ныне под формой «большевизма» в не что иное, как просто в накожное заболевание, от которого мы, несомненно, приблизительно через два поколения излечимся, если только не попытаются снова вогнать его внутрь, всяческими способами раздражая наше зоологическое начало [23, с. 275].

Не означает ли это, что после 1934 г. пережив смерть сына и убийство С. М. Кирова, Горький начал сомневаться в том, что большевизм в виде ортодоксального ленинизма был единственно верным путем в истории России. Как Самгин, он тоже производил смотр своим мыслям, пытаясь снова и снова вернуться к прошлому. И как Самгин, постоянно чувствовал себя на перекрестке разных дорог, опутан-

ной какой-то липкой паутиной, из которой не вырваться. Не случайно одна из последних сцен «Жизни Клима Самгина» происходит в салоне Леонида Андреева, по признанию Горького, его единственного друга. Жизнь развела их по разным сторонам, не позволив доспорить о самых главных философских и идеологических вопросах века, но, как и с Климом Самгиным, Горький продолжал обсуждать их до самой смерти.

Леонид Андреев в романе заявляет: «Я не хочу быть чижом, который лгал и продолжает лгать. Только трусы и безумные могут проповедовать братство народов в ту ночь, когда враги подожгли их дом». Нет сомнения, что он имеет в виду не только известный рассказ Горького «О чиже, который лгал и о дятле, любителе истины», но и резкое противостояние «оборонца» Андреева и «пораженца» Горького в годы Первой мировой войны. Не все голоса из разных углов, к которым прислушивается Самгин в квартире знаменитого литератора в бархатной куртке, поддерживают лозунг «Отечество в опасности» и призывают к сепаратному миру с немцами. Клима слышит «тенористый голосок» ученика медника Лаврушки, который резко возражает Андрееву: «Господствует банкир, миллионщик, черт его душу возьми, разорвал трудовой народ на враждебные нации... вон какую войницу затеял, а вы — чаек пьете и рыбью философию разводите... Как не стыдно!» [13, с. 520].

Как и в других сценах четвертого тома «Жизни Клима Самгина», Горький незримо присутствует за кулисами, детально точно рисуя портреты героев: Леонида Андреева, его жены («черноволосая женщина с большим жестким лицом <...> кажется, что это от нее исходит запах углекислого газа» [13, с. 517]), матери писателя («серенькая старушка» [13, с. 519]). Как опытный режиссер, он дает слово то одному, то другому герою, нигде не высказывая своей точки зрения. Но... не о себе ли говорит писатель, приводя такое размышление Самгина:

За последнее время, устраивая смотр мыслям своим, он все чаще встречал среди них такие отрешляющие, каковы были мысли о веретене, о паутине, тогда он чувствовал, что высота, на которую возвел себя, — шаткая высота и для того, чтобы удержаться на этой позиции, нужно укрепить ее какими-то действиями [13, с. 514].

Сопоставление подлинных горьковских высказываний в статьях и письмах с текстом последнего тома «Жизни Клима Самгина» позволяет сказать, что писатель не раз доверял собственные мысли своим персонажам, не только Климу Самгину, но и Дронову, Кутузову, Дмитрию Самгину и многим другим. Следовательно, постоянно продолжающийся «смотр мыслей» героев накладывался на его собственные впечатления от советской действительности, к которой он относился все более критично.

В последние годы жизни Горький оказался пленником в своей собственной стране и даже в доме.

Его больше не выпускали в любимое Сорренто, а каждый его шаг, вся переписка и все встречи находились под пристальным вниманием Г. Г. Ягоды и его подчиненных. Но если в первые годы жизни на родине писатель доверял их сведениям о «врагах народа», то после политического процесса над меньшевиками стал все более задумываться о происходящем в «стране фараонов». Не потому ли, до последнего часа продолжая работу над «Жизнью Клим Самгина», он решил переписать произведение заново. 21 августа 1931 г. писатель сообщил В. Я. Заzubрину: «Самгин — вещь, которую необходимо переделать с начала до конца» [10, с. 372]. Можно предположить, что речь шла не только о сокращении «романа на 800 персон», а о пересмотре некоторых утверждений о роли русской интеллигенции в истории, в том числе, тезиса о предательстве «врагов народа».

Вернувшись на родину окончательно в 1933 г., Горький уже не мог однозначно отрицательно относиться к своему главному герою, которого сравнивал с Дон-Кихотом, а Дронова с Санчо Панса [см.: 13, с. 547]. К этому времени он начал сомневаться в бесспорности тезиса об усилении классово-борьбы в стране. Шла ожесточенная борьба в партии за власть, усиливался нажим на крестьянина, не желавшего вступать в колхозы, зрело недовольство сталинской политикой «чрезвычайных мер». Споры о социализме, которые ожесточенно ведутся в конце четвертого тома «Жизни Клим Самгина», помимо их прямого смысла проецируются на полемику 1920–30-х гг. в партии большевиков между сталинистами и оппозиционерами: о темпах индустриализации и коллективизации, о «чрезвычайных мерах», направленных против «спецов» и «попутчиков», о бухаринском лозунге «Обогащайтесь!».

Все это подспудно отражалось в четвертом томе «Жизни Клим Самгина», который Горький никак не мог кончить, т. к. его мысль снова и снова возвращалась «на круги своя». В его письмах не раз звучит утверждение о необходимости «исправить» все произведение. Не зная, как кончить его, Горький проигрывал разные варианты. Поэтому на последних страницах произведения в сложном полифоническом многоголосии романа иногда слышен голос самого писателя, размышляющего о судьбах истории и путях России.

По-видимому, в 1934 г. Горький уже не верил в массовое предательство советской интеллигенции, хотя во многих эмигрантах видел знакомый облик Самгина. Не случайно один из возможных вариантов конца произведения предполагал отъезд Клим Ивановича за границу, в Берлин. Но это лишь один из набросков финала, ибо писатель еще раз хотел устроить «смотру» своим мыслям, прежде чем закончить произведение. Если внимательно вчитаться в его последнюю часть, мы увидим, что она фактически повторяет всю проблематику предыдущих томов: здесь и толпа, становящаяся из разрозненных икринок единым организмом, и похороны героя,

напоминающие похороны Баумана, и знакомые споры о демократии и самодержавии, об аристократии духа. При этом в центре внимания — размышления о социализме. Подпоручик Алябьев, противник демократии, называет социализм древней варварской формой угнетения личности:

Социалисты предполагают равенство прав, но это значит признать всех людей равными по способностям, а мы знаем, что весь процесс европейской культуры коренится на различии способностей... Я приветствовал бы и социализм, если б он мог очеловечить, организовать наивного, ленивого, но жадного язычника, нашего крестьянина, но я не верю, что социализм применим в области аграрной, а особенно у нас [13, с. 498].

Его заглушает голос Хотяинцева, проповедника идей Леонтьева, Каткова, Победоносцева. По его мнению, у руля истории должны стоять банкиры:

В каждом государстве они сметут в кошель все свои капиталы, затем сложат их в один кошелек, далее они соединят в единый мешок концентрированные капиталы всех государств, всех наций и тогда великодушно организуют по всей земле производство и потребление на законе строжайшей и даже святой справедливости, как это предуказывают некие умнейшие немцы, за исключением безумных фантазеров Карла Маркса и других, иже с ним [13, с. 500].

Ему вторит Захар Бердников, который объясняет Климу: «Тебе дана историей роль повара-моралиста, мне — роль кота Васьки, а пролетариат даже в Германии к делу фабрикации истории не дошел» [13, с. 79]. Известный писатель в бархатной куртке (Л. Н. Андреев) уверен, что люди «почувствуют себя братьями только тогда, когда поймут трагизм своего бытия в космосе, почувствуют ужас одиночества своего во вселенной, соприкоснутся прутьям железной клетки неразрешимых тайн жизни, из которой один есть выход — в смерть» [13, с. 519]. Он заключает: «Социалисты, большевики мечтают объединить людей на всеобщей сытости. Нет, нет! Это наивно!» [13, с. 520]. Ему возражает большевик Лаврушка: «Рабочий класс хочет быть сытым и хочет иметь право на квалификацию. А для этого, извините, он должен вырвать власть из рук сытых людей. Вырвать! С боем» [16, с. 519]. Вездесущий Дронов, сильно полевевший, присоединяется к большевикам: «Гражданская война, бей буржуазию, делай социальную революцию в полном парадном смысле слова, вот и все» [13, с. 499]. Самгин, пережив все увлечения, убедившись в безрезультатности массовых выступлений, видит в революционном народе «непрерывного Разина» и резюмирует: «Служить народу — значит руководить народом. Не иначе» [13, с. 508].

В полифоническом многоголосье романа непросто различить голос самого Горького. Вряд ли много лет спустя его симпатия по-прежнему на стороне Кутузова, которого он сравнивает с машинистом

локомотива истории. Для Кутузова вопрос об исторической миссии интеллигенции решается так:

Оставаться служащей капиталу, довольствуясь реформами, которые предоставят полную свободу слову и делу капиталистов. Так же ясно: идти с пролетариатом к революции социальной. Да или нет, третье решение логика исключает, но психология — допускает... [13, с. 528].

Не сам ли Горький размышляет здесь о необходимости найти третий путь? Не он ли всю жизнь пытался отстоять свое право быть еретиком?

Все эти споры нетрудно сопоставить с полемикой конца 1920 — начала 1930-х гг. о развитии социализма в деревне, о положении советской интеллигенции и роли спецов. В статьях этих лет Горький отвечал на все спорные вопросы, как истинный марксист («Если враг не сдается, его уничтожают», «С кем вы, мастера культуры?»). Но не возникало ли у писателя чувство, что он, как Самгин, опутан какой-то паутиной и находится на весьма шаткой высоте? То и дело появлялись мысли о веретене, о распутии дорог, на которых кружит его ветер Истории. И снова мучил вопрос о варварах, погубивших Рим.

В черновиках «Жизни Клима Самгина» то и дело мелькают записи о честолюбцах, авантюристах, исповедующих лозунг «цель оправдывает средства»: «Такие мальчики встречались все чаще. Большевики — бонапартизм» [30, с. 244]. Старый народник характеризует их так: «Бонапартисты. Ленинские молодцы». Новая молодежь типа Усова, Властова вызывает раздражение Клима своей прямолинейностью и решительностью: «Прямолинейные юноши, ученики Л<енина>, так умело и заслуженно осмеянные Михайловским» [30, с. 245].

В одном из неразгаданных набросков к «Жизни Клима Самгина» есть фраза: «Страшная, как яд, тайна». Мысль Горького в 1930-х гг. мучительно искала ответа на вопрос о цене исторического прогресса, спотыкаясь об извечный конфликт личного и государственного. Трудно сказать, был ли у него в конце жизни однозначный ответ на этот вопрос, то же самое касается проблемы героизма и жертвенности. Политические процессы 1930-х могли поколебать его убеждение, что русский человек плохо живет, но хорошо умирает. Певец «безумства храбрых», он не мог не задуматься над поведением людей, которых считал мужественными и честными, когда они добровольно признавали свои ошибки. Он и сам каялся, о чем свидетельствует вторая редакция очерка «В. И. Ленин».

Прочитав «покаянные» речи А. И. Рыкова и М. П. Томского на объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) 7–12 января 1933 г., писатель назвал их «мужественными и полными чувства собственного достоинства». 20 января 1933 г. он писал Рыкову:

Весьма возможно, что это мое письмо — неуместно, не сомневаюсь, что Вам оно — не нужно,

но вы, оба, поймете настроение, мою радость, радость человека, который живет далеко от вас и в непрерывной тревоге за каждого из вас, — людей, которых я искренне уважаю, люблю и ценю как лучших, небывалых революционеров, действительных и счастливых создателей нового мира [15, с. 219–220].

Не в эти ли дни 1933 г. была написана страница «Жизни Клима Самгина», где Дронов и Клим Иванович рассуждают о жертвенности и героизме, о том, что «всегда были и будут люди, которые, чувствуя себя неспособными сопротивляться насилию над их внутренним миром — сами идут навстречу судьбе своей, сами отдают себя в жертву» [13, с. 547]. Дронов слушает рассуждения Самгина о мотивах, которые толкнули в пропасть тщеславного римлянина Курция, и замечает: «Н-да, — скучно сказал Дронов, — иной раз очень хочется прыгнуть куда-то...» [13, с. 548].

Вывод Горького о предательстве буржуазной интеллигенции, её духовном ренегатстве подтверждается анализом текста IV тома романа, но вопрос о «предательстве» советской интеллигенции оставался для Горького открытым. Не случайно слова о «врагах нации» в конце книги произносит Воинов, поклонник фашизма и философии Ницше. Он уверяет Елену:

Мы накануне катастрофы. Интеллигент-революционер считается героем. Прославлен и возвеличен. А по смыслу деятельности своей он — предатель культуры. По намерениям — он враг ее. Враг нации. Родины. Он, конечно, тоже утверждает себя как личность. Он чувствует: основа мира, Архимедова точка опоры — доминанта личности. Да. Но он мыслит ложно. Личность должна расти и возвышаться, не опираясь на массу, но попирая ее. Аристократия и демократия. Всегда — это. И — навсегда [13, с. 542].

Будучи убежденным сторонником демократии, певцом Человека и его мятежной Мысли, Горький никогда не был суровым судьей русской интеллигенции. Образ Клима Самгина, сложный и многомерный, послужил материалом для раздумий о ее исторических судьбах. Размышляя над разными вариантами конца произведения, Горький так и не выбрал окончательного. Уничтожит ли героя революционная толпа, будет ли он эмигрантом или останется в России, превратившись во вредителя, «врага народа», все эти варианты финала существуют лишь в набросках. Умиравший Горький продиктовал М. И. Будберг слова: «Конец романа, конец героя, конец автора» [29, с. 61]. Много лет спустя она так ответила на вопрос горьковедов, как думал писатель закончить «книгу века»: «Я думаю, Алексий Максимоч так и не пришел к окончательному решению.» (АГ. Кр-рл 1–2–2).

Литература

1. Вешнев В. Горькое лакомство: (М. Горький к 10-летию Октября) // На литературном посту. 1927. № 20. С. 41–55.
2. Вокруг смерти Горького: Документы, факты, версии / М. Горький: Материалы и исследования: ИМЛИ им. А. М. Горького РАН. Вып. 6. — М.: ИМЛИ РАН «Наследие», 2001. 360 с.
3. Жегалов Н. Правда факта и правда искусства: И. Вайнберг. За горьковской строкой: (Реальный факт и правда искусства в романе «Жизнь Клима Самгина»): <Рецензия> // Москва. 1973. № 8. С. 204–207.
4. Горький М. Полное собрание сочинений. Письма. Июнь 1924 — февраль 1926 / И им. А. М. Горького РАН. — М.: Наука, 2012. Т. 15.
5. Горький М. Полное собрание сочинений. Письма. Март 1926 — июль 1927 / ИМЛИ им. А. М. Горького РАН. — М.: Наука, 2013. Т. 16. 982 с.
6. Горький М. и Роллан Р. Переписка (1916–1936) «Наследие» Москва. 1995. 543 с.
7. Горький М. Полное собрание сочинений: Художественные произведения. Т. 25. Жизнь Клима Самгина (Сорок лет). 1925–1936. — М.: Наука, 1976. 656 с.
8. Горький М. Полное собрание сочинений: Художественные произведения. Т. 6. Рассказы, очерки, наброски, стихотворения. 1901–1907. — М.: Наука, 1970. 584 с.
9. Горький М. Полное собрание сочинений. Письма. Август 1927 — май 1928 ЛИ им. А. М. Горького РАН. — М.: Наука, 2014. Т. 17.
10. Горький М. Полное собрание сочинений: Художественные произведения. Т. 22. Жизнь Клима Самгина. 1925–1936. — М.: Наука, 1974. 688 с.
11. Горький М. Полное собрание сочинений: Художественные произведения. Т. 24. Жизнь Клима Самгина. 1925–1936. — М.: Наука, 1975. 592 с.
12. Горький М. Полное собрание сочинений: Художественные произведения. Т. 2. Рассказы, очерки, наброски, стихи. 1894–1896. — М.: Наука, 1969. 656 с.
13. Горький М. Полное собрание сочинений: Художественные произведения. Т. 8. «Мать». Рассказы. Очерк. 1906–1910. — М.: Наука, 1970. 512 с.
14. Горький М. Полное собрание сочинений: Художественные произведения. Т. 9. Повести. 1907–1909. — М.: Наука, 1971.
15. Горький в зеркале эпохи: (Неизданная переписка) / М. Горький: Материалы и исследования: ИМЛИ им. А. М. Горького РАН. Вып. 10. — М.: ИМЛИ РАН, 2010. 736 с.
16. Горький М. Полное собрание сочинений. Письма. 1907 — август 1908 / ИМЛИ им. А. М. Горького РАН. — М.: Наука, 2000. Т. 6. 628 с.
17. Горький М. Полное собрание сочинений: Художественные произведения. Т. 21. Жизнь Клима Самгина. 1925–1936. — М.: Наука, 1974. 576 с.
18. Горький М. Полное собрание сочинений: Варианты к художественным произведениям. Т. 8. Кн. 2. Варианты к тому XXII «Жизнь Клима Самгина». Ч. II. — М.: Наука, 1980. 616 с.
19. М. Горький и Р. Роллан. Переписка (1916–1936) / Архив А. М. Горького. Т. XV. — М.: «Наследие», 1995. 544 с.
20. Горький М. Полное собрание сочинений. Письма. Конец августа 1908–1909 / ИМЛИ им. А. М. Горького РАН. — М.: Наука, 2001. Т. 7. 626 с.
21. Горький М. Полное собрание сочинений. Письма. 1922 — май 1924 / ИМЛИ им. А. М. Горького РАН. — М.: Наука, 2009. Т. 14. 824 с.
22. Из переписки А. М. Горького / Публ. З. Черновой, С. Заики, Л. Спиридоновой, З. Тихоновой // Известия ЦК КПСС Издания ЦК КПСС. 1989. № 7. С. 211–220.
23. Михайловский Н. К. Десница и шуйца Льва Толстого // Михайловский Н. К. Литературная критика. Статьи о русской литературе XIX — начала XX века / Сост., вступ. статья, коммент. Б. Аверина. — Л.: Худ. литература, 1989. С. 50–63.
24. М. Горький и советская печать / Архив А. М. Горького. Т. X. Кн. 2. — М.: Наука, 1965. 504 с.
25. Об этом см.: Ходасевич В. Воспоминания о Горьком. — М. 1989, С. 47; Парамонов Б. Старый анархист или певец ГУЛАГа // Новое русское слово. 1989. 11 авг.; Костиков В. Иллюзии счастья // Огонек. 1990. № 1. С. 12.
26. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс // Вопросы философии. 1989. № 3. С. 119–154.
27. Советская литература: (Доклад на Первом Всесоюзном съезде советских писателей. 17 августа 1934 года) // Горький М. Собрание сочинений: в 30 т. — М.: ГИХЛ, 1953. Т. 27. С. 298–333.
28. Товарищ Бауман: Сб. воспоминаний и документов о жизни, деятельности и смерти тов. Баумана / Исторический партиотдел МК РКП(б); под ред. Хеликсон-Бобровской. — М.: Московский рабочий, 1926. 93 с.
29. Толстой Л. Н. Прогресс и определение образования: (Ответ г-ну Маркову) // Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: В 22 т. — М.: Худ. литература, 1983. Т. 16. С. 72–75.
30. Энциклопедия литературных произведений. — М.: Вагриус, 1998. 656 с.